Елена Михалёва

ЩЕЛКУНЧИК ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Убийственно красивый балет

Елена Михалёва

Щелкунчик должен умереть

«Эксмо»
2027

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михалёва Е.

Щелкунчик должен умереть / Е. Михалёва — «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-253945-9

Танец на краю бездны: за кулисами Мариинского театра зреет кровавый заговор. Санкт-Петербург, декабрь 1908 года. Заснеженная столица замерла в ожидании Рождества, а в Мариинском театре готовятся к главному событию зимы — премьере балета «Щелкунчик». Воспитанница Смольного института Варвара Воронцова случайно попадает за кулисы императорской сцены, где царят волшебство, шорох шелков и бессмертная музыка Чайковского. Но у этой сказки есть пугающая изнанка. С талантливой балериной, которой покровительствует сам великий князь, одно за другим происходят странные происшествия. Череда «нелепых случайностей» едва не стоит балерине жизни. Варя быстро осознает: за кулисами разыгрывается собственная, куда более мрачная пьеса, и соперничество за лучшую партию здесь ни при чём. Театр полон чужих тайн, а роковой спектакль приближается с каждым часом. Удастся ли смолянке распутать опасный клубок и остановить беду прежде, чем прозвучит третий звонок?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253945-9

© Михалёва Е., 2027
© Эксмо, 2027

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 13
Глава 4 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Елена Алексеевна Михалёва
Щелкунчик должен умереть
Роман

© Михалёва Е. А., 2027
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2027

Глава 1

Декабрь в Петербурге выдался суровым. Пронизывающий балтийский ветер с тоскливым присвистом гулял между кирпичными трубами дымоходов. Он швырял в лица колючую ледяную крошку, сорванную с покатых скатов. Жесть крыши под ногами, затянутая тонкой коркой льда и слегка припорошённая свежим снегом, отзывалась глухим лязгом на каждое неосторожное движение. Мороз щипал за щёки, пробирался под поношенное драповое пальто и селился в костях. На такой высоте казалось, что у зимы нет ни милосердия, ни конца.

Однако стоило лишь приблизиться к каменному парапету и бросить взгляд за край, как перед глазами представал совершенно иной, бесконечно далёкий мир.

Внизу закованная в гранит набережная Невы сияла торжественным и беспечным великолепием. В сгустившейся морозной дымке жёлтые, дрожащие пятна газовых фонарей ложились на снег, и тот искрился, точно кто-то очень богатый беспечно рассыпал золотые монеты. Крошечные силуэты экипажей скользили вдоль широкого проспекта. Обеспеченные пассажиры спешили в тепло и уют званых ужинов, театральных премьер и пёстрых балов. Приветливо мерцал свет за высокими окнами роскошных особняков, которые навеки отгородились от петербургской стужи, нужды и прочих тягот.

Там благоухала, смеялась и куталась в меха блистательная Империя. Безмятежно упивалась она своим богатством и мнимой незыблемостью. А здесь, на обледенелой крыше мрачного доходного дома, слившись с чернеющим небом, властвовал лишь пропитанный ненавистью мрак. Удручающая пропасть между двумя мирами была столь же осязаема и резка, как пронизывающий ветер.

У самого края обледенелого каменного парапета неподвижно замерла мужская фигура.

Молодой человек стоял так близко к смертельной бездне, что любой иной на его месте непременно поддался бы инстинктивному страху и отступил. Но он, кажется, вовсе не замечал опасности. Лицо его, болезненно-бледное и заострившееся, казалось жестоким.

Длинные, покрасневшие на морозе пальцы сжимали папиросу, и красный огонёк тлеющего табака ритмично вспыхивал во тьме. Каждый раз на краткий миг он выхватывал из мрака хищный излом бровей, плотно сжатые бескровные губы и тонкий, похожий на росчерк пера белый шрам, рассекавший левую бровь.

Одет молодой человек был до безрассудства легко для суровой петербургской ночи. Его тонкое старое пальто с поднятым воротником едва ли служило преградой для холодного дыхания декабрьской ночи. Оттого он сутулился так явственно и безобразно, что весь его статный рост скрадывался, не позволяя оценить ни разворот плеч, ни фигуру.

В нескольких шагах позади маячила вторая фигура. Грузный и неповоротливый мужчина походил на нахохлившегося зверя. Лохматые тёмные вихры, торчавшие из-под картуза, лишь усиливали это сходство. Мужчина то и дело тяжело переминался с ноги на ногу, с хрустом ломая ледяную корку, и всё глубже прятал озябший подбородок в поднятый воротник дублёного полушубка. Пребывание на морозе порядком осточертело ему, однако мешать размышлениям первого он не смел довольно долго. И всё же грузный не выдержал. Потерял терпение, хоть и знал, что разговор предстоит неприятный.

– Поспешить бы, – хриплым, заржавевшим голосом произнёс он, глубже пряча обветренное, покрытое рытвинами оспин лицо в воротник. Хмыкнул. Откашлялся. Горло саднило. От холода кожа чесалась под одеждой. – Осталось всего ничего. Не успеем иначе.

Его собеседник промолчал. Лишь папироса в темноте снова мигнула красным, озарив хмурое лицо багряным отсветом.

– Не совестно тебе молчать? Домолчишься до того, что всех нас загребут. А она, поди, отдаляется от нашего дела нарочно. – Грузный снова переступил с ноги на ногу, и жесть крыши под ним гулко отозвалась. – Колеблется. Слишком уж быстро привыкла к сладенькому.

Молодой человек у парапета не шелохнулся, лишь затянулся глубже, позволяя спутнику продолжить.

– Опьянела она, говорю тебе, – с заметным раздражением настаивал тот. – Подарки эти, цветы корзинами, тепло чужих покоев. Там пахнет не крысиной мочой и кормят не картошкой с хреном. Продалась она. Купилась на подачки. Но пуще всего, – он процедил следующие слова со вскипающей неприязнью, – на внимание Его Высочества. Она же девка. Невесть чего себе нафантазировала про красивую жизнь и счастье. Небось решила уже, что и замуж позовёт. Дура дурой. Как бы не выдала нас всех, лишь бы выслужиться перед ним.

В ответ его товарищ не нарушил молчания и не разразился бранью, но под бледной, натянутой кожей его скул желваки обозначились с такой отчётливостью, что, казалось, сейчас хрустнут. Во взгляде полыхнул целый фейерверк отравляющих душу эмоций. Слепая ненависть сливалась в нём с больной, удушающей ревностью.

Резким щелчком пальца он стряхнул пепел с папиросы. Серый тлеющий комок сорвался вниз и упал на нетронутый слой снега у самого парапета. Крошечная искра зашипела и мгновенно прожгла в чистой белизне уродливую тёмную дыру.

Его глаза сузились на ветру. Выражение лица поменялось, возвращая себе показную невозмутимость.

Секунду спустя в пропасть сияющей улицы полетел и сам окурок.

– Она цену знает. Если предаст, её уберут, – твёрдо произнёс молодой человек. – Я сам это сделаю. Если потребуется.

Грузный мрачно кивнул. Жестокий приговор его более чем устраивал. Он бы и сам давно разобрался с девицей, будь его воля. Дюже много знает.

Лёд под их ногами захрустел, когда они бесшумно растворились в зияющей черноте чердачного окна.

А с потемневшего петербургского неба вновь повалил густой, равнодушный снег. Он ложился мягким саваном на крышу доходного дома, неспешно и неотвратимо заметая следы.

Глава 2

Декабрьские морозы безжалостно лютовали за окнами. Сквозь дымчатую кисею бесконечных снегопадов выстуженные петербургские улицы казались картинкой с праздничной открытки, но только если не казать носа за порог слишком надолго. Иначе и застудиться можно. А угодить в лазарет перед Рождеством никому не хотелось.

За надёжными стенами Смольного института играл всеми красками совершенно иной мир строгой дисциплины и светлых девичьих грёз. Но в декабре неизменно побеждало второе, и тишина длинных коридоров сдавалась перед грядущей радостью воспитанниц. Правила смягчались в преддверии светлого праздника Рождества Христова. Само огромное здание словно оживало, наполняясь суетливым, радостным трепетом.

Воздух здесь теперь пах по-особенному. Смольный благоухал горячей мастикой, которой до медового блеска натирали паркет, уютным домашним духом прогретой золы из изразцовых печей и, главное, пьянящей смолистой хвоей. В просторных парадных залах уже начали устанавливать пушистые ели, и их терпкий, морозно-лесной аромат проникал во все уголки института, обещая скорое чудо.

В светлых классных комнатах и рекреациях вовсю кипела работа. Отовсюду доносился непрестанный, взволнованный девичий шёпот, то и дело прерываемый звонким переливчатым смехом, за который наставницы сейчас бранили куда снисходительнее обычного. Со всех сторон слышался уютный шелест цветной папиросной бумаги, тихое позвякивание маленьких ножниц и шуршание фольги.

Старшие воспитанницы – знаменитые «белые» смолянки в безукоризненных светлых платьях и пелеринах – сидели тесными кружками, напоминая стайки прекрасных лебедей. Склонив аккуратно причёсанные головы, они увлечённо мастерили украшения для грядущего праздника. Изящные пальчики с ловкостью вырезали кружевных бумажных ангелов, клеили затейливые картонажи, собирали пузатые бонбоньерки для младших девочек и старательно покрывали позолотой крупные грецкие орехи.

В этом созидательном труде, в сиянии глаз, полных чистых ожиданий грядущего бала, крылось столько искреннего, беззаботного счастья, что всякая внешняя суета казалась бесконечно далёкой и неважной. Спрятанные за надёжной чугунной оградой институтки всецело отдавались своей юности и праздничным хлопотам. Они наслаждались каждым мгновением подступающего Рождества.

В одном из таких кружков, устроившись у светлого окна, трудилась Варвара Воронцова. Выбившийся из строгой причёски пепельно-рыжий локон падал ей на лоб, но увлечённая работой Варя лишь нетерпеливо сдувала его, чтобы не мешал покрывать позолотой крупный грецкий орех. Её голубые глаза светились неподдельным азартом, совсем как в детстве, когда им, капризным «кофейным» крошкам, впервые доверили клеить бумажные цепочки и вырезать кривые снежинки.

Ей не верилось, что это её последнее Рождество в Смольном перед выпуском.

Рядом с Варей сидела Эмилия Драйер, миниатюрная курносая немочка с рыжими волосами, серыми глазами и россыпью веснушек на щеках. Девушка заметно нервничала. Она отложила в сторону фольгу и по своей стеснительной привычке принялась ковырять заусенец на пальце. Делала она это как можно незаметнее для окружающих, чтобы не получить выговор от классной дамы.

– Ох, Варенька, – вздохнула Эмилия, и её горловое германское «р» прозвучало особенно отчётливо. Произносила она этот звук от самого корня языка, а не с кончика, всегда, когда чересчур волновалась, – мне кажется, я клею всё вкривь и вкось.

– Душа моя, ну кто вздумает разглядывать эти мелочи на огромных елях? – мягко отозвалась княжна Венера Голицына, утончённая, стройная барышня с тёмно-русыми волосами и нежными голубыми глазами.

– А позвольте возразить. Я вот точно вздумаю разглядывать, – тут же подала голос нескладная Евдокия Малавина, которую все ласково звали Додо. Она единственная из их класса сохранила своё детское прозвище, хоть и была самой ворчливой и нудной из всех, точно строгая старушка. Вот и теперь блондинка с вытянутым лицом и блёклыми водянистыми глазами недовольно поджала губы и тихо пробубнила себе под нос: – Праздник не терпит небрежности. И сидите вы, девочки, криво. Сутулитесь. Марья Андреевна заметит.

Но их классная дама, Марья Андреевна Ирецкая, была слишком занята помощью воспитанницам за другим столом, чтобы придираться к подобным глупостям.

Варя лишь с улыбкой переглянулась с Венерой, пропуская мимо ушей утомительное бормотание Додо.

Их мирную беседу нарушил звонкий взрыв смеха соседней стайки смолянок.

Марина Быстрова, кажется, в очередной раз придумала колкую остроту и наслаждалась вниманием подруг. Обладательница роскошных тёмно-каштановых кудрей и лукавых зелёных глаз была натурой весёлой, лёгкой и в высшей степени романтичной. Сейчас Марина с ослепительной улыбкой что-то увлечённо рассказывала сёстрам Шагаровым. Старшая, спокойная и уверенная в себе Анна лишь согласно кивала за работой, в то время как шестнадцатилетняя Наденька весело хихикала.

К их весёлой компании присоединилась и румяная, круглощёкая брюнетка София Заревич. Миловидная кокетка с газельими глазами и родинками на шее и лице вертела в руках атласную ленту. Судя по выражению её лица, рассказ подруги занимал её куда меньше, чем собственные мечтания.

Их веселье не осталось без внимания. Подошла Ирецкая и назидательно велела компании Марины вести себя прилично.

Варя бросила беглый взгляд на сияющую Быстрову и невольно выпрямила спину. Грядущий бал будоражил умы. В воздухе Смольного явственно витал дух девичьего соперничества. Как наладить испортившиеся ещё по осени отношения с бывшей лучшей подругой, Воронцова не представляла.

Иллюзия безмятежного сестринства рассеялась тотчас, едва звонок возвестил о начале урока танцев.

Танцевальная зала встретила воспитанниц ослепительным светом, льющимся сквозь высокие окна, и бесконечным простором надраенного до скользкого блеска паркета. Вдоль стен тянулись огромные зеркала в массивных рамах. В них многократно отражалась кипенная белизна форменных платьев, отчего казалось, будто порхающих девиц в классе втрое больше обычного.

Посреди залы их встречал Ипполит Максимович – сухопарый балетмейстер старой императорской закалки.

За глаза смолянки беззлобно величали его «Месье Циркуль». Его непомерно длинные, худые ноги отмеряли шаги по классу с такой математической точностью, что иное прозвище ему бы попросту не подошло. К тому же Ипполит Максимович обладал характером строгим, педантичным и не терпел ни малейшей расхлябанности, презирая даже самые невинные девичьи слабости.

Одетый в наглухо застёгнутый чёрный сюртук старинного кроя с туго накрахмаленным воротничком, балетмейстер казался ожившей гравюрой. Его узкое лицо с острыми скулами и тонкими, безупречно подстриженными седыми усиками всегда сохраняло выражение строгой взыскательности, а выцветшие, но поразительно цепкие глаза подмечали малейшую оплошность. Однако окончательное сходство с чертёжным инструментом придавала ему тон-

кая трость. Замирая посреди залы, Ипполит Максимович опирался на неё, отставляя изящную палку в сторону. В такие моменты он являл собой живое воплощение металлического циркуля, чья игла уже вонзилась в паркет, чтобы вычертить на нём безукоризненный круг.

Дождавшись, когда старшие воспитанницы выстроятся в линию и исполнят положенный приветственный реверанс, балетмейстер дважды ударил серебряным наконечником своей тонкой трости о пол. Шорох юбок и шёпот мгновенно стихли.

– Mesdemoiselles[1], – начал он сухо и торжественно, и эхо его хорошо поставленного голоса тотчас разлетелось под высокими сводами. – Близится главное событие зимнего сезона. Но, смею вас обрадовать, в этом году наш традиционный Рождественский бал откроется не вполне обычным образом. Её Светлость приняла решение подготовить особенный танцевальный этюд, который предварит основную программу.

По шеренге воспитанниц прокатился трепетный вздох.

– Это будет не просто привычный вам полонез или вальс. – Месье Циркуль обвёл класс пронзительным взглядом, задерживаясь на лучших ученицах. – Мы планируем театрализованный этюд по мотивам всеми любимого балета господина Чайковского «Щелкунчик». Нам предстоит воссоздать на паркете Царство сладостей. На празднике ожидается присутствие высочайших попечителей, видных государственных мужей и самых почётных семейств Петербурга. Вы понимаете, что сие значит? – Ипполит Максимович пошёл вдоль замерших воспитанниц, демонстрируя не только идеальную осанку, но и свой узнаваемый геометричный шаг, за который и получил прозвище. – Нам надлежит показать истинный артистизм, грацию и благородство. И для этого мне понадобится солистка на главную партию блистательной Феи Драже.

Атмосфера в зале неуловимо переменилась. Только что бывшие верными подругами беззаботные девушки разом подобрались. Каждая из них, несмотря на юные годы, прекрасно понимала, что скрывается за скупыми словами балетмейстера.

Рождественский бал оставался своего рода главной витриной Смольного. А солирующая партия в таком этюде сулила не просто минутную школьную славу, но обещала редчайший шанс оказаться в самом центре внимания высшего света. Каждая смолянка хотела заслуженно приковать к себе взоры влиятельных покровителей и блестящих кавалеров.

Девицы замерли в мучительном предвкушении. Под придирчивым взглядом Месье Циркуля обещала разразиться отчаянная битва, какой не видывал даже Пажеский корпус Ея Императорского Величества. Сражение за право стать единственной сияющей звездой этого вечера.

Напряжённую тишину зеркальной залы нарушил лёгкий шелест накрахмаленных юбок.

Марина Быстрова не дожидалась персонального приглашения. Она сделала шаг из шеренги вперёд. В её горделиво вскинутом подбородке и выправленной осанке читалась уверенность в собственном превосходстве. Она всем видом безмолвно заявляла неоспоримые права на солирующую роль, словно эта партия с самого начала предназначалась исключительно для неё одной.

Ипполит Максимович одобрительно прищурился, нисколько не возмутившись подобной дерзостью любимой ученицы. Он коротко взмахнул серебряным набалдашником трости, подавая знак пожилому аккомпаниатору за роялем, и сухим тоном скомандовал связку движений:

– S'il vous plaît, mademoiselle Быстрова. *Pas de bourrée, glissade* и *arabesque*[2]. Прошу.

Раздались первые лёгкие аккорды.

Марина встрепенулась и плавно скользнула по натёртому паркету. Её исполнение выглядело поистине безукоризненным, словно движениями девушки управлял часовой механизм. Безупречно прямая спина, идеальный выворот стопы, точные линии рук и шеи – техника Быстровой поражала воображение. В своём кипенно-белом платье она напоминала дорогую фар-

[1] Дамы *(франц.)*.

[2] Пожалуйста, мадемуазель Быстрова. Па-де-буре, глиссад и арабеск *(франц.)*.

форовую куклу из тех, что выставлялись в витринах роскошных лавок на Невском проспекте: изящную, хрупкую и совершенную в своей симметрии.

Однако лицо Быстровой на протяжении всей связки оставалось бесстрастным, будто она доказывала у доски зазубренную теорему, а не танцевала.

Едва музыка смолкла, Марина замерла в финальной позиции, стоя на одной ножке и грациозно приподняв другую и отведя её назад. Равновесие она держала превосходно.

Затем Быстрова с достоинством опустила руки и повернула голову. Её лукавые зелёные глаза безошибочно отыскали в замершей шеренге воспитанниц Варю. В этом прямом взгляде не осталось ни капли от их былой девичьей дружбы – лишь торжество победительницы.

Сёстры Шагаровы и София Заревич восторженно зашептались, не в силах скрыть восхищения.

Казалось, выбор Ипполита Максимовича предрешён.

Варя молча наблюдала за триумфом Быстровой.

Она смотрела на её точёный профиль и объективно, без лишних девичьих иллюзий, оценивала собственные силы. Воронцова прекрасно понимала, что её балетная техника отнюдь не так совершенна. Её *glissade* уступал, а в *arabesque* порой недоставало той скульптурной статики, с которой Марина замирала на паркете. Ещё в прошлом году, до всех этих роковых перемен, Варя непременно бы стушевалась. Опустила бы глаза, покорно отступила в тень и позволила блестящей Мариночке без боя забрать все лавры.

Но той робкой, сомневающейся институтки больше не существовало. Минувшие месяцы, полные мрачных тайн, опасных поручений и тяжкого бремени доверия самой вдовствующей Императрицы, безвозвратно переменили её характер. Пройдя крещение интригами совершенно иного, недетского порядка, Воронцова больше не желала малодушно пасовать перед банальным классным соперничеством.

Её взгляд скользнул к собственному отражению в высоких амальгамовых зеркалах. Губы тронула едва заметная улыбка. Ведь танец – это далеко не только заученные позы, угодные строгому Месье Циркулю. В танце должна пылать душа, а её собственная – покоя лишилась. Металась. Требовала шанса показать себя.

Совсем недавно ей преподали важный урок: действуй деликатно, приковывай к себе чужие взгляды и очаровывай, но никогда не давай повода для громкого скандала. Варе вдруг подумалось, что Мария Фёдоровна Романова наверняка лично посетит их праздник, поэтому разочаровывать её никак нельзя. И если для того, чтобы доказать свою готовность служить ей, нужно отобрать у Быстровой корону Феи Драже, что ж, Варя принимала брошенный вызов.

Она глубоко вдохнула и сделала плавный шаг из строя.

– Ипполит Максимович. – Воронцова ангельски улыбнулась балетмейстеру. – Не позволите ли и мне испытать свои силы, *s'il vous plaît*[3]?

Месье Циркуль удивлённо вздёрнул тонкую седую бровь.

– В самом деле, – задумчиво произнёс он, переводя взгляд с Вари на Марину, словно невооружённым взглядом увидел эту внезапную вспышку соперничества. – Признаюсь, я собирался отсмотреть весь класс, но, пожалуй, ваша кандидатура представляет особенно живой интерес, Воронцова. Будьте любезны, повторите задание. *Pas de bourrée, glissade* и *arabesque.*

Наконечник трости вновь гулко стукнул о натёртый паркет.

Полились нежные звуки рояля. Варя вступила.

В её *pas de bourrée,* возможно, не хватало чеканности, а стопа в *arabesque* не вывернулась под идеальным углом. Она допускала крошечные технические огрехи. Но сколько искренней страсти она вложила в каждое своё движение! Сколько надрыва! Её глаза горели нездешним, вдохновенным светом, а руки вырисовывали в пространстве чарующие линии. В её пластике

[3] Пожалуйста *(франц.)*.

сквозила такая живая, одухотворённая грация, что от тонкого девичьего силуэта было решительно невозможно оторвать взгляд. Словно она действительно ощутила себя сказочной Феей.

Когда отзвучал последний аккорд и Варя замерла, плавно опустив руки, под высокими сводами зеркальной залы не было слышно ни шепотка, ни даже вздоха.

Ипполит Максимович показался Воронцовой откровенно растерянным. Тонкие пальцы балетмейстера нервно поглаживали трость.

– Что ж, *mesdemoiselles*… – Месье Циркуль впервые на памяти старших воспитанниц запнулся, так и не решившись вынести свой строгий вердикт немедленно. – Вы обе продемонстрировали весьма похвальное рвение. Но окончательный выбор солистки я сделаю лишь на генеральной репетиции, дабы у каждой в классе было время раскрыть свой потенциал.

Варя с покорностью исполнила реверанс и возвратилась на место в шеренге, хоть и была уверена в глубине души, что сольную партию Быстровой ни за что не уступит.

Глава 3

В то время как Смольный отдыхал после занятий и воспитанницы проводили часы вакаций за чтением и рукоделием, в небольшом классе на верхнем этаже кипела незримая работа. Скупое декабрьское солнце с трудом пробивалось сквозь затянутые морозным кружевом окна. Его жидкий свет ложился на натёртый паркет бледными косыми квадратами. В этом холодном, неподвижном золотистом свете неспешно танцевали крошечные пылинки.

Единственной институткой в классе была Варвара Воронцова. Она заняла первую парту. Это дополнительное занятие не было ни острой необходимостью из-за проблем с успеваемостью, ни наказанием за некую провинность. Урок служил для неё поводом для радости.

Напротив Вари сидела её классная дама – Марья Андреевна Ирецкая. В прошлом году ей едва миновало пятьдесят. Природа наградила наставницу невысоким ростом, миниатюрным, чуть загнутым по-орлиному носом и густыми тёмными бровями, которые в сочетании с большими выразительными глазами оливкового цвета придавали ей несомненное сходство с мудрой старой совой. Марья Андреевна носила тёмно-синие платья из плотного камлота, застёгнутые до самого горла, с белоснежными накрахмаленными воротничками и манжетами, как и все преподавательницы Смольного. Внешне она являла собой воплощение холодной сухости и институтского педантизма, однако за строгим обликом скрывались бесконечно терпеливая натура и цепкий ум, работа которого выходила далеко за рамки строгих правил.

Формально эти уединённые встречи считались дополнительными уроками этикета и тонкостей светского обхождения, о которых якобы попросили родные Вари. Но на самом деле Воронцова получала от своей наставницы иные знания – те, что могли пригодиться ей для выполнения особых поручений тайного женского общества. Марья Андреевна преподавала Варе сложную науку негласного наблюдения и чтения человеческих лиц – важнейший навык для служения делу, незримо опекаемому Вдовствующей Императрицей Марией Фёдоровной.

Варя старалась изо всех сил не упустить ни слова. Ею двигало не просто девичье прилежание, но жгучее желание искупить вину. Свою досадную оплошность, совершённую в ноябре на приёме у князей Голицыных, она помнила слишком живо. Тогда, поддавшись импульсу, она публично разоблачила преступника. Сделала она это эффектно, с блеском, чтобы потянуть время до прибытия полиции, но совершенно забыла главное: нельзя привлекать к себе ненужное внимание. Надлежит иметь репутацию безупречную, демонстрировать блистательный образ, очаровывать и внушать доверие и обожание, но при этом оставаться невинной, не представляющей угрозы девицей и, разумеется, ни в коем случае не становиться центром крупного светского скандала.

Ту историю удалось быстро замять, но Варя отлично понимала, сколь непросто это было. Постыдный эпизод обернулся для Воронцовой тяжёлым уроком. Её Светлость была крайне недовольна столь шумным поведением своей юной протеже. Императрицы не терпят театральщины там, где требуются осторожность и деликатность. И теперь, под пристальным взглядом Ирецкой, Варе было жизненно необходимо доказать, что она усвоила урок, и во что бы то ни стало вернуть доверие своей высочайшей покровительницы.

Записывать за наставницей строго запрещалось. Варя училась с первого раза запоминать важную информацию, с первого взгляда усваивать прочитанное и сохранять в памяти расположение людей, деталей одежды и предметов в комнате. Ирецкая объясняла, как развить наблюдательность и делать верные выводы из специфических деталей. Как расположить к себе собеседника, подстроившись под его темп речи и дыхание, чтобы вызвать подсознательное доверие. Как задавать невинные вопросы так, чтобы опрашиваемый объект сам с радостью выболтал секрет. Как управлять собственным телом, контролировать пульс, не отводить взгляда, когда обманываешь, так искусно, чтобы поверили даже самые прожжённые интриганы. И, наконец,

как замечать фальшь в иных людях. У Вари голова шла кругом от информации, но она бы ни за что на свете не подумала отступить.

– Перейдём к практике, Варвара Николаевна, – продолжала Марья Андреевна. – В минувшее воскресенье в Смольном был приёмный день. Родные навещали ваших подруг. Опишите мне настроение наших гостей. Что вы увидели?

Воронцова мысленно перенеслась в шумную парадную залу. Народу пришло много. Её саму на сей раз никто не навестил, но в следующее воскресенье Варю планировали забрать домой на весь день. Поэтому она нисколько не переживала и прекрасно провела время в компании Эмилии Драйер и её матери. И всё же она успела исподтишка оглядеть прочих гостей. Варя была совершенно уверена в своём ответе.

– В столице всё тихо, Марья Андреевна. Семьи благоденствуют и готовятся к праздникам, – бодро начала она. – Взять, к примеру, отца Марины Ивановны Быстровой. Статский советник много и заразительно смеялся, непринуждённо шутил с наставницами. Капитан лейб-гвардии Шагаров, батюшка Ани и Наденьки, держался весьма уверенно и браво – настоящая военная кость. А отец Евдокии Малавиной, генерал-майор, и вовсе выглядел невероятно благостным и умиротворённым. Все были нарядны и довольны.

Марья Андреевна слушала, не перебивая, но её густые тёмные брови медленно сходились на переносице.

– Уверены, Варвара Николаевна? – наконец спросила она, чинно выпрямившись на стуле.

Варя позволила себе с минуту поразмыслить.

– Полностью так, – медленно кивнула она.

– Вы смотрите, Воронцова, но совершенно ничего не видите, – холодно отозвалась Ирецкая, и от этого тона у Вари внутри всё предательски сжалось. – Вы рассуждаете как самая обыкновенная, наивная институтка, которая принимает светскую мишуру за правду. Да будет вам известно, Варвара Николаевна, улыбка – это ширма для дураков. Смотрите не на губы. Изучайте руки и глаза собеседника.

Наставница подалась чуть вперёд, опершись о край парты.

– Вспомните статского советника Быстрова. Он смеялся громче обычного, верно. Но что при этом делали его руки? – понизив голос, спросила Марья Андреевна. – Ну же, вспоминайте всё, что приметили.

Варя нахмурилась, отчаянно напрягая память.

– Он… он постоянно теребил верхнюю пуговицу своего сюртука. А ещё у него такие красивые часы-луковица. Золотые. С императорским орлом на крышке. Так он их раз шесть достал, чтобы взглянуть на время, хотя в зале стоят большие часы с маятником.

– Именно. Нервные жесты человека, который изо всех сил пытается казаться беззаботным, в то время как его разум снедает тревога. Скажем, крупные карточные долги или внезапная растрата. Он возвращается к этому мыслями ежеминутно. Неосознанно старается успокоить себя монотонными движениями. Спроси его в такой момент, который час, он и не ответит с уверенностью, потому что за часы хватался машинально, по привычке, а вовсе не для того, чтобы справиться о времени, – пояснила Ирецкая, поправляя манжету на правом рукаве. – А генерал-майор Малавин? Вы назвали его благостным. Но обратили ли вы внимание на его взгляд?

Варя прикусила губу. Перед мысленным взором возникло лицо отца Додо.

– Глаза у него были вроде как стеклянными? – неуверенно предположила она. – Он обычно по-иному держится.

– Совершенно верно, – согласилась Марья Андреевна. – Он смотрел сквозь свою дочь, кивал невпопад и явно пребывал мыслями где-то в весьма далёком и неприятном месте. Благостность – лишь удобная маска для отстранённости и глубокой усталости. – Наставница выпрямилась, вновь превращаясь в бесстрастную статую. – И наконец, капитан Шагаров. «Уве-

ренно и браво», говорите? Он держал спину неестественно прямо, словно проглотил аршин, и на протяжении всего визита старательно избегал встречаться взглядом с другими военными чинами в зале. Это не бравада, Воронцова. Это скрытое напряжение и, возможно, страх за своё положение на службе.

В классе повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием дров в изразцовой печи.

– Запомните: ложь тоже имеет своё лицо, и чаще всего оно выдаёт себя в крошечных, неконтролируемых мелочах. – Голос Ирецкой зазвучал чуть мягче. – Человек, плетущий неправду, почти всегда перебарщивает. Дилетант будет смотреть вам прямо в глаза, не моргая, силясь доказать свою кристальную честность, или же, напротив, отведёт взгляд вправо и вниз, пока судорожно конструирует в уме выдумку.

Марья Андреевна поднялась из-за стола и неспешно прошлась по классу, заложив руки за спину. Её каблуки мерно постукивали по паркету.

– Обращайте пристальное внимание на асимметрию, – продолжала она. – Искренняя эмоция, будь то радость или горе, всегда симметрична и отражается на всём лице, задействуя даже крошечные морщинки у глаз. Фальшивая улыбка кривит лишь губы, часто приподнимая только один уголок рта. И, разумеется, следите за руками: лжец бессознательно пытается прикрыть рот, потереть нос или коснуться шеи, словно лживые слова жгут ему гортань.

Варя слушала, и по её спине бежал неприятный холодок. Ей вдруг стало до боли ясно: Марья Андреевна ежедневно видит их, смолянок, насквозь. Каждую невинную девичью шалость, каждую утаённую от классной дамы записку или выдуманную причину невыученного урока наставница наверняка читала как открытую книгу. Она всё знала, и лишь из снисхождения, свойственного её мудрой натуре, позволяла воспитанницам свято верить в собственную непревзойдённую хитрость.

Жгучий стыд затопил щёки Вари густым румянцем. Ей нестерпимо захотелось провалиться сквозь этот идеально натёртый паркет. Она, втайне возомнившая себя почти готовым тайным агентом после ноябрьских событий, на деле оказалась слепым кутёнком. Однако Воронцова не позволила себе расплакаться от досады или виновато опустить голову. Незаметно, спрятав руки под партой, она до боли вонзила ногти в ладони, заставляя себя сохранять внешнее спокойствие.

Девушка упрямо стиснула зубы, жадно впитывая каждую безжалостную истину своей наставницы.

– К примеру, в «голубом» классе у Ксении Тимофеевны Веленской на днях произошёл прелюбопытный инцидент, – продолжила Марья Андреевна, плавно опускаясь обратно на свой стул. – Из шкафчика для рукоделия пропал отрез дорогих французских кружев, предназначавшихся для украшения праздничных корзин. В рекреации в тот момент дежурили лишь три воспитанницы. Как только Ксения Тимофеевна обнаружила пропажу и задала прямой вопрос, все три, разумеется, поклялись самым святым, что не брали чужого. Как бы вы, Воронцова, вычислили виновную, опираясь на наш сегодняшний урок?

Варя чуть подалась вперёд, чувствуя, как удушливый стыд исчезает, уступая место охотничьему азарту.

– Я бы расспросила каждую по отдельности. И стала бы внимательно смотреть на их лица и жесты, – ответила она, тщательно подбирая слова.

– Верно. Ксения Тимофеевна, будучи дамой наблюдательной, так и поступила. – Ирецкая одобрительно прищурила оливковые глаза. – Первая девица плакала так горько, что её лицо пошло некрасивыми красными пятнами, а плечи судорожно тряслись, отчего речь стала неразборчивой. Вторая прятала глаза, поминутно шмыгала носом и нервно накручивала на палец мокрый от слёз батистовый платок. Третья же смотрела на классную даму ясным, пря-

мым взглядом, почти не моргая. Она говорила ровно, голос её ни разу не дрогнул, а руки были чинно сложены на коленях. На кого бы вы указали, Варя?

Воронцова не колебалась ни секунды.

– На третью, Марья Андреевна.

– Обоснуйте.

– Она переиграла, – уверенно заявила Варя и принялась объяснять: – Если благородную девицу, ни разу не замеченную в воровстве, внезапно обвиняют в столь постыдном проступке, её естественной реакцией будет испуг, обида или возмущение. Искренняя эмоция затронула бы всё её тело и лицо, как у первых двух. Спокойствие и немигающий взгляд – это натужная попытка доказать свою мнимую непричастность. А руки она так крепко сцепила на коленях, чтобы подавить явную дрожь. Но кружево она, полагаю, не украла, а попросту испортила по глупости.

– Почему вы так решили?

– За воровство исключат с позором, а не просто накажут. Оттого две первые девушки так и растерялись. А третья сохранила хладнокровие, потому что понимала: кружево у неё не найдут. Она его попросту не брала.

Уголки губ Ирецкой дрогнули, складываясь в скупую улыбку.

– Блестяще, Варвара Николаевна. Ваши выводы безупречны. Девица действительно слишком старалась выглядеть невинным ангелом. Когда Ксения Тимофеевна, заподозрив неладное, попросила её разжать ладони, выяснилось, что её пальцы были ледяными и влажными от холодного пота, а на подушечке указательного пальца краснела свежая глубокая царапина от острых портновских ножниц, которыми она в спешке отрезала кружево, но слишком поздно поняла, что испортила не тот материал, перепутав катушки. В испуге или же по глупости она в том не призналась.

– Её наказали, полагаю?

– Лишили передника на месяц за враньё, а за испорченный казённый материал отправили на двойное дежурство в бельевую штопать чулки.

– Справедливо. Но что же стало с несчастным отрезом? – Варя робко улыбнулась.

– Обнаружился там же в рекреации за шкафом. – Марья Андреевна достала из кармана своего тёмно-синего платья изящные серебряные часы на цепочке и щёлкнула крышкой. – На сегодня достаточно. Вы делаете успехи, Воронцова, когда не позволяете своей горячности бежать впереди рассудка. Ступайте к себе в дортуар.

Уже у самой двери Ирецкая окликнула её, и голос классной дамы утратил твёрдость, став ласково-домашним:

– Ах да, Варенька. Совсем забыла. Утром с почтой прибыло письмо на ваше имя.

Сердце ёкнуло. Варя обернулась и с необъяснимой надеждой заторопилась обратно к Ирецкой.

– Благодарю вас, Марья Андреевна, – стараясь унять волнение в голосе, сказала она и приняла из рук наставницы плотный конверт.

Едва взглянув на знакомый размашистый почерк, она ощутила, как по сердцу разлилось болезненное разочарование, подкреплённое чувством вины: весточка была вовсе не от того человека, от которого Варя втайне желала получить хоть строчку, и в то же время это было послание от той, кого она всегда любила и лелеяла. Однако на сей раз чувство радости омрачилось горечью.

И с чего она вообще решила, что ей должен был написать *кто-то другой*? Воронцова прекрасно понимала: иного письма Ирецкая ей бы и не передала, и всё же…

Это было послание от матери, Капитолины Аркадьевны. Письмо из совершенно иного, нормального мира, бесконечно далёкого от интриг и тайных обществ.

В прохладном гулком коридоре Варя остановилась у ближайшего окна и нетерпеливо развернула сложенный вчетверо лист.

Она быстро пробежалась глазами по строчкам, выведенным красивым почерком матери. Капитолина Аркадьевна Воронцова сетовала на младших сыновей: Костя и Миша в очередной раз отличились в гимназии, устроив какую-то немыслимую шалость, от которой у маменьки теперь беспрестанно болит голова и требуются нервные капли. Отец же, Николай Михайлович, совсем пропал на службе. Министерство путей сообщения в преддверии праздников словно окончательно поглотило его, завалив тайного советника срочными отчётами и нескончаемыми заседаниями. Матушка писала, что и сама закружилась в светских заботах и благотворительных хлопотах настолько, что выбилась из сил. На будущих выходных она обещалась прислать за Варей экипаж с запиской. Кроме того, маменька писала, что из Москвы приехала Анастасия, старшая сестра Вари, и теперь гостит у них вместе с мужем. Настенька с нетерпением ожидала скорой встречи. Но главное, ради чего, должно быть, и затевалось послание, уместилось в самом конце: вся семья с нетерпением ждала свою Вареньку домой на Рождество.

Девушка бережно погладила кончиками пальцев плотные исписанные листы. От бумаги едва уловимо пахло маменькиными духами. Этот аромат мгновенно возвратил её мыслями домой, и в груди заныло от боли.

Ах, если бы мама только узнала правду о том, какую жизнь стремится прожить её беспокойная дочь! Она бы точно сна лишилась.

Нет. Уж лучше ей никогда этого не знать.

Варя прижала письмо к груди, задумчиво глядя в морозное окно на белые ветви деревьев.

Мирный быт родного дома внезапно показался ей пугающе хрупким, словно тончайший стеклянный шар на рождественской ели.

Глава 4

Пятничное утро началось с волнений.

В просторной танцевальной зале Смольного института царило напряжённое предвкушение. Огромные окна впускали скупой свет петербургского предзимья, который скользил по надраенному до зеркального блеска паркету.

Старшие воспитанницы выстроились в шеренгу. Ни единый шепоток, ни малейший шорох юбок не смели нарушить установленного покоя.

Посреди залы высился Ипполит Максимович.

Балетмейстер, чья холодная строгость и придирчивость давно стали притчей во языцех, сегодня являл собой зрелище поистине нетипичное. Месье Циркуль демонстрировал беспокойство. Его худые пальцы то и дело постукивали по набалдашнику трости и ныряли в карман сюртука, извлекая золотые часы на цепочке. Он переступал с ноги на ногу и бесконечно вызывал воспитанниц одну за другой, чтобы отсмотреть разные комбинации танцевальных движений, но каждый раз лишь разочарованно кривился, возвращал девушку на место в строй и вновь тянулся к часам.

Смолянки исподтишка переглядывались.

Ирецкая предупредила их: на занятие они ожидают некую важную гостью, чьё имя Ипполит Максимович произносил с почти религиозным трепетом. Но кто именно эта особа, они понимали лишь смутно.

Каково же было их изумление, когда внезапно двери распахнулись с такой стремительностью, словно за ними скрывалась не институтская рекреация, а сцена императорского театра.

На пороге возникла Элеонора Марковна Дюмон. Мадам Но́ра. Бывшая прима-балерина, чьё имя ещё несколько лет назад заставляло учащённо биться сердца самых искушённых балетоманов столицы и заваливать её сцену корзинами орхидей.

Её внезапное появление в Смольном произвело ни с чем не сравнимый эффект.

На фоне невинных нарядов институток и пуританской сухости классных дам мадам Нора выглядела до неприличия эпатажно, как яркая райская птица, волею судеб залетевшая в монастырскую голубятню. На ней красовалось роскошное манто из серебристой чернобурки, небрежно накинутое на плечи. Голову увенчивала экстравагантная и поистине исполинская шляпка с плюмажем из тёмных перьев, которые вальяжно подрагивали при каждом её движении. При ней был модный ридикюль из крокодиловой кожи, который она несла с отрепетированной небрежностью.

Элеонору Марковну нельзя было назвать красивой или уродливой, но поджарой – определённо. Это словно бы проявлялось не только во внешности – в высоких острых скулах, тонком носу и не менее тонких губах и бровях, – но и во всей её натуре. Мадам Нора казалась скупой на эмоции дамой без возраста. Она очевидно старалась усилить это впечатление, скрывая собственные руки и шею, которые, несомненно, выдали бы её жизненный опыт с головой, как и всякая дряблая возрастная кожа. Но, глядя на эту женщину, о её возрасте думалось в последнюю очередь.

Она несла себя подобно королеве. Едва сделала шаг в залу, и пространство тотчас заполнил дурманящий шлейф тяжёлых французских духов с нотами магнолии. К этому сладкому театральному фимиаму примешивался ещё один аромат: едва уловимый, но совершенно скандальный для благонравных стен Смольного запах дорогого табака. Было ясно, что перед самым входом, стоя на морозе во внутреннем дворе, эта невероятная женщина не отказала себе в удовольствии выкурить папиросу, нимало не заботясь о строгих правилах приличия.

– Ah, mon cher Hippolyte![4] – Её голос оказался низким и уверенным, с лёгкой, чарующей хрипотцой.

Она не прошла, но буквально выплыла на середину паркета. При этом каждый её шаг пружинил на носках с неповторимой грацией, которую оставляет после себя лишь долгая жизнь на сцене.

Смолянки стояли заворожённые, позабыв, как дышать. В их обитель знаний и благочестия редко заглядывали важные гости, и совершенно никогда прежде – гости настолько необычные.

Варя Воронцова ловила каждое её движение. Элеонора Марковна мгновенно показалась им всем существом высшего порядка. Воплощением богемы, символом восхитительной свободы и образцом блестящего, порочного и манящего взрослого петербургского мира, о котором они лишь тайком шептались по ночам в своих дортуарах. В ней не было ни капли институтской покорности. Лишь дерзкая уверенность женщины, привыкшей к тому, что все падают к её ногам.

Ипполит Максимович поспешно шагнул ей навстречу и, согнувшись в глубоком поклоне, благоговейно приложился губами к протянутой руке в перчатке.

– Элеонора Марковна, какая честь, – выдохнул балетмейстер, напрочь растеряв всю свою надменность. – Признаюсь, я боялся, что вы передумаете и откажетесь помогать моим скромным ученицам.

– Вздор, – возразила мадам Нора, скидывая ридикюль и манто на руки Ипполита Максимовича, который едва успел поймать их. – Как я могла отказать вам в помощи, а себе – в удовольствии вмешаться в жизнь сего прекрасного, любимого Богом учебного заведения? – Она грациозно повернулась вокруг себя и обвела жестом залу, а потом обратила своё внимание на девушек. – Представь же поскорее меня этим прелестным созданиям, с которыми нам вместе предстоит создать хореографический шедевр для самой капризной публики!

Её шляпа легла поверх вещей, которые она, точно на вешалку, сгрузила на руки балетмейстеру.

Освободившись от верхней одежды, мадам Нора предстала перед воспитанницами в наряде столь же строгом, сколь и бесконечно элегантном. Для визита в Смольный она облачилась в закрытое платье-тальер из плотного бархата сливового оттенка. Высокий воротник из жёсткого брюссельского кружева подпирал самый её подбородок, надёжно скрывая возрастную кожу длинной, тонкой шеи.

Лишившись громоздкой шляпы, её голова теперь привлекала всё внимание: тёмные, густо напомаженные волосы, в которых искрились благородные серебряные нити, были гладко зачёсаны назад и стянуты на затылке в сложный узел. Ни единого легкомысленного локона. Эта причёска обнажала высокие, скульптурные скулы и надменный профиль Элеоноры Марковны, отчего та казалась до невозможного высокомерной.

Стоящая слева от Вари Эмилия тихонько тронула её за руку. Воронцова скосила глаза на подругу и заметила во взгляде той восхищённый блеск. Драйер даже слегка поджала губы, чтобы не улыбаться слишком вызывающе, но Варя мгновенно поняла её восторг.

– Mesdemoiselles. – Ипполит Максимович прокашлялся, силясь вернуть себе авторитет, и торжественно возвысил голос. – Перед вами величайшая звезда императорской сцены, мадам Дюмон. Она любезно согласилась…

– Laissez-les, Hippolyte[5], оставьте. – Мадам Нора прервала его снисходительным взмахом руки. – К чему эти утомительные панегирики? Вполне достаточно «Элеоноры Марковны». У нас бесконечно мало времени, а работы, судя по всему, непочатый край.

---

[4] Ах, мой дорогой Ипполит! *(франц.)*

[5] Бросьте, Ипполит *(франц.)*.

Она бесцеремонно перехватила управление репетицией и на балетмейстера при этом едва взглянула. Месье Циркуль лишь растерянно заморгал. Он всё ещё прижимал к груди чернобурку гостьи.

Из своего ридикюля Элеонора Марковна извлекла сложенный веер из тёмного черепахового панциря, а затем возвратила сумочку Ипполиту Максимовичу и пружинящим шагом двинулась вдоль обомлевшей шеренги «белых». Однако использовать дорогое опахало по прямому назначению она явно не собиралась. В её руках этот изящный предмет мгновенно превратился в безжалостный стек командира на смотре войск.

Мадам Нора медленно шла мимо институток, и шлейф дурманящего магнолиево-табачного аромата тянулся за ней, как знамя. Её цепкий взор не пропускал ни малейшей детали. Она поджала тонкие губы, подкрашенные помадой, словно все огрехи в облике девиц причиняли ей боль.

Варя внутренне сжалась. Она ожидала замечаний на тему того, что они слишком толсты для балерин, не имеют ни должной физической формы, ни прилежания и многолетнего старания для того, чтобы замахиваться на танцевальные постановки для именитых гостей вроде императорского семейства. Мол, со свиным рылом да в калашный ряд… Но, вопреки опасениям, мадам Нора заострила внимание на совершенно иных вещах.

– Что за скованность? – процедила она, брезгливо поморщившись. Закрытый веер сухо щёлкнул по плечу остолбеневшей Евдокии Малавиной. – Опустите плечи, ma chérie[6]. Вы же не на плацу.

Додо вздрогнула и послушно исполнила команду. Как показалось Варе, чересчур резко. Снова как-то по-солдатски, отчего мадам Нора нахмурилась и двинулась дальше.

Она сделала ещё шаг и кончиком черепахового веера деликатно вздёрнула подбородок хорошенькой Софии Заревич.

– Взгляд выше, цветик мой. Вы собираетесь очаровывать высший свет или искать потерянные медяки на паркете?

София густо покраснела, но голову послушно задрала.

– Элеонора Марковна, смею заметить, мои ученицы превосходно знают позиции, – попытался вступиться за свою методику Ипполит Максимович.

Он бы, вероятно, так и стоял в обнимку с одеждой мадам Норы, если бы не Ирецкая. Классная дама молча покинула свой пост за столом в углу залы и подошла, чтобы забрать у вспотевшего балетмейстера непосильную ношу. Она аккуратно уложила и манто, и шляпу на стоявший у зеркала стул, после чего так же невозмутимо возвратилась на своё место. Словно эксцентричная прима нисколько её не взволновала.

– Я добился от них идеальной симметрии, верного угла выворотности… – продолжал Ипполит Максимович.

– Ваша геометрия наводит смертную тоску, мой милый Ипполит! – Мадам Нора развернулась на каблуках, сверкнув тёмными глазами. – Математика хороша для чертёжников, но разве же среди этих барышень есть хоть один инженер? – Она обвела девичий строй небрежным жестом. – Посмотрите на них! Ужасающая, невыносимая чугунная грация! В них столько же изящества, сколько в телеграфных столбах.

В классе повисла гробовая тишина.

Варя могла бы поклясться, что слышала, как от возмущения громко скрипнули зубы Быстровой. Ирецкая медленно поднялась из-за стола, чтобы встать возле стены, откуда обзор был лучше. Она не сводила с них взгляда, словно бы опасалась: не наломает ли прославленная артистка дров своей бесцеремонной критикой? Даже Месье Циркуль сейчас же побледнел.

---

[6] Дорогая *(франц.)*.

– Если мы собираемся воссоздать «Царство сладостей», мне нужен зефир, а не кирпичи, – отчеканила мадам Нора, возвращаясь на середину залы. Она требовательно постучала веером по раскрытой ладони. – Довольно общих построений. Я желаю видеть ваших лучших. Кто из этих прелестных, но бесконечно зажатых девиц претендует на солирующую партию? Покажите мне ваших Фей Драже, Ипполит Максимович, пока я окончательно не уснула от тоски.

Ещё до того, как Месье Циркуль успел назвать имя, из шеренги старших воспитанниц с чувством собственного превосходства выступила Марина Быстрова. Остановившись у полированного корпуса рояля, она склонила голову и обратилась к пожилому аккомпаниатору с нарочитой вежливостью, отчётливо и звонко чеканя каждое слово на французском языке, чтобы угодить мадам Дюмон:

– S'il vous plaît, monsieur, l'introduction et la variation de la Fée[7]… Будьте добры, с мягким акцентом на каденцию.

Аккомпаниатор поспешно кивнул в ответ на столь изысканную просьбу. Его пальцы уверенно коснулись клавиш, и по зале рассыпались лёгкие, хрустальные аккорды.

Быстрова заскользила по паркету. Её исполнение было поистине безукоризненным, даже лучше, чем во время первой пробы, словно каждое движение рассчитывалось по пресловутым чертежам самого Месье Циркуля. Точёная спина, чёткий выворот стопы, чистые линии рук и ног – техника Быстровой поражала воображение своей академической правильностью. Казалось: переодень Мариночку в балетную пачку – и получишь настоящую балерину.

Варя почувствовала укол тихой ревности: у неё самой никогда не выходило такого порядка в каждом па. Всякий танец давался Быстровой с лёгкостью, сколько Воронцова её знала.

Однако мадам Нора смотрела на старающуюся Быстрову с нарастающим раздражением. Её тонкие брови приподнялись в недоумении, а руки скрестились на груди.

Не дожидаясь, пока Марина закончит связку и замрёт в финальном арабеске, Элеонора Марковна резко взмахнула рукой. Веер со щелчком раскрылся.

– Довольно! – бросила она повелительным тоном.

Аккомпаниатор отпустил клавиатуру прямо посреди такта, и звук оборвался на самой высокой ноте.

Марина замерла в полупозиции, озарённая лёгким румянцем. Она ожидала сотню заслуженных восторгов. Но вместо похвалы мадам Нора окинула Быстрову с головы до ног уничтожающим взглядом, после чего произнесла с нескрываемым разочарованием:

– Вы, безусловно, техничны, милочка! Но танцуете не сказочную Фею. Вы, позвольте называть вещи своими именами, идеальный оловянный солдатик!

В наступившей тишине стало слышно, как противным звуком скрипнула чья-то туфля о паркет.

Лицо Марины потеряло весь здоровый румянец. Краска отхлынула от щёк, оставив на коже землисто-бледный оттенок. Губы девушки испуганно приоткрылись, а руки, ещё секунду назад гравировавшие воздух с такой уверенностью, жалко задрожали вдоль швов белого платья. Её грандиозный триумф, на который она ставила всё, был растоптан публично и безжалостно.

В дальнем конце строя сёстры Шагаровы испуганно переглянулись, а круглощёкая София Заревич прижала ладони к животу, ошеломлённо затаив дыхание. Группа поддержки Быстровой погрузилась в парализованное молчание.

Варя Воронцова наблюдала за этой сценой, чувствуя, как по спине пробегает холодная волна мурашек. Она видела смятенную боль в глазах Марины, но вместо злорадства испытала

[7] Пожалуйста, месье, вступление и вариация Феи *(франц.)*.

лишь сердечное сочувствие. Какой бы несносной и мстительной Мариночка ни была, Воронцова не могла не посочувствовать бывшей лучшей подруге.

В этот момент Варя невольно покосилась на стоявшую рядом Эмилию. Та стояла ни жива ни мертва, широко распахнув свои серые глаза, полные суеверного ужаса перед всемогущей балериной. Их взгляды с Воронцовой встретились. Драйер одними губами произнесла: «Ой». Словно хотела сказать, что на паркет ни за что не вызовется, даже за сотню сольных партий.

Впрочем, мадам Нора не обратила ни малейшего внимания на разбитые надежды Быстровой. Она равнодушно отвернулась от неё и театрально взмахнула веером.

– Ну же, Ипполит! – бросила она балетмейстеру, даже не поворачивая головы. – Неужели это всё, чем богаты стены благородного Смольного? Ты обещал мне интересную задачу. Я жду настоящую Фею, а не пружинный механизм из часовой лавки! Кто там следующий?

Ипполит Максимович растерянно оглядел шеренгу воспитанниц, словно лихорадочно перебирал в уме оставшихся кандидаток. После сокрушительного фиаско Быстровой доверять кому-либо из признанных отличниц балетного класса было страшно. Наконец его взгляд остановился на седьмой от начала залы паре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.